
Василий Владиславович Трофимов
*Директор Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований, профессор
кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного
университета им. Г. Р. Державина,
доктор юридических наук, доцент
E-mail: magistr.pocht@yandex.ru*

Юлиана Вадимовна Горюшина
*Доцент кафедры теории и истории государства
и права Тамбовского государственного
университета им. Г. Р. Державина,
кандидат экономических наук
E-mail: calatrea@mail.ru*

**Регламенты законодательных собраний как
документально-фиксированное выражение функциональных
направлений современной законотворческой деятельности:
начальный исследовательский опыт контент-анализа
(на примере Регламента Тамбовской областной Думы)***

Аннотация. Актуальность проблемы идентификации функциональных направлений правотворческого процесса обусловливается повышенной ролью правотворчества в жизни современного общества. Предметом исследования выступает процесс установления функциональных направлений правотворческой деятельности законодательных собраний, имеющих форму документально-фиксированного выражения в виде соответствующих регламентов, за счет апробации метода анализа правовых документов — контент-анализа. Цель статьи — описание конкретного опыта применения методики контент-анализа правового документа на примере Регламента Тамбовской областной Думы. Используется также методология лингвистического и системного подходов. В контексте исследования функциональных направлений правотворчества проводимый подход отличается новизной. Характеризуются избранные единицы подсчета в виде глагольных форм в тексте документа, кото-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

рые выражают осуществляемые функциональные направления в рамках правотворческого процесса.

Ключевые слова: правотворчество, правопознание, законодательное собрание, регламент, законотворческая деятельность, функциональная направленность, контент-анализ, глагол, действия.

Vasily Vladislavovich Trofimov

Director of the Research Institute of State Legal Researches, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tambov State University named after G. R. Derzhavin», Doctor of Law, Docent

Yuliana Vadimovna Goryushina

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Tambov State University named after G. R. Derzhavin», Candidate of Economic Sciences

Regulations of Legislative Assemblies as a Documentary-fixed expression of the functional Directions of Modern Legislative Activity: initial research experience of content analysis (on the example of the Regulations of the Tambov Regional Duma)

Annotation. *The relevance of the issue of self-identifying functional directions of law-making process is caused by increased role of lawmaking in life of modern society. The subject of the research is represented by process of indicating functional directions of law-making activities of legislative assemblies in the documented and fixed expressions as the appropriate rules. The authors apply content-analysis as the way to test it as the way to analyze legal documents. The purpose of the research is to describe particular experience of applying the methodology of content analysis to a legal document on the example of the Regulations of the Tambov Regional Duma. The authors also apply methodology of linguistic and systematic approaches. The applied approach can get the characteristics of scientific novelty in the context of the research of functional directions. The authors characterize the defined counting elements as the verbal forms in text of a document. These elements are due to express current functional directions in frameworks of law-making process.*

Keywords: *law-making, legal study, legislative assembly, regulation, lawmaking, functional focus, content analysis, verb, actions.*

Своевременное и точное формирование нормативно-правового регулирования определенных предметных вопросов современной социально-правовой жизнедеятельности выступает важным фактором качественной и стабильной правовой системы государства, способной в перспективе повысить уровень правовой защищенности российских граждан. Правильное отражение предмета правового регулирования в виде разноплановых общественных отношений в создаваемом праве в результате осуществляемой правотворческой деятельности позволит, по мнению А. Нашиц, дать представление о законодателе не только как о свободном в своем правовом творчестве субъекте, но и одновременно как об ответственном за осуществляемую социально детерминированную правотворческую деятельность создателе права — одного из важнейших средств регулирования поведения людей [1, с. 13].

Согласно классическим трактовкам правотворчество — процесс осуществления юридически значимых действий по подготовке, принятию и опубликованию нормативных правовых актов официального характера, подготовленных и оформленных в строго процессуальной процедуре и регулирующих наиболее важные общественные отношения [2, с. 16]. При этом, как мы понимаем, за возможной кажущейся простотой формулировки того, что является правотворческим процессом, скрывается существенный объем разнообразных значимых действий (функций), которые нужно осуществлять участникам правотворческого процесса, транслируя результаты этих функциональных операций в плоскость достижения единого правотворческого эффекта (созданной нормы права, принятого нормативного правового акта и т. п.).

В связи с этим повышается потребность, на наш взгляд, в более глубоком и детальном анализе задач, стоящих перед законотворческой системой. От их решения зависит создание того самого качественного законодательства, на которое рассчитывает современное государство, проводя политику модернизации, отвечая на различные глобальные вызовы современности. Анализ всех возможных функциональных направлений, вытекающих из природы и характера законотворческой деятельности, может позволить установить их роль в целом в системе законотворчества, а также по отдельности, осуществив в последующем их возможную градацию на функции основные и вспомогательные, постоянные и временные и пр. Важно научиться выявлять весь спектр функциональных направлений законотворческой деятельности, что позволит контролировать их реализацию, своевременно подстраивать под требования момента времени и добиваться более оптимального результата от законотворческой деятельности в целом [3].

В. П. Реутов, сосредоточивая внимание юридической науки на специфике и значении функций правотворчества, высказывает во многом верное

мнение о том, что функции правосозидания (формирования права) и функции собственно правотворчества по своему содержанию достаточно близки, но отличаются определенными особенностями. Проводя теоретический анализ функций правотворчества, ученый отмечает их множественность и важность более углубленного и детального понимания [4].

Вполне очевидно, что основные функции правотворчества, связанные с правотворческим познанием, разработкой и принятием правовых норм, не должны рассматриваться в качестве всепоглощающих функциональных направлений, за которыми допустимо не замечать иных видов функций, осуществляющихся в рамках правотворческого процесса. Правотворчество как своего рода система складывается из набора структурных элементов. С каждым из них должно быть связано то или иное функциональное направление правотворческой деятельности, да и само правотворчество (законотворчество) выступает частью более широкой общественной системы, а значит, по отношению к ее элементам также выполняет различные функции. И лишь в совокупности это способно дать целостный правотворческий эффект, привести к итоговому правотворческому результату.

Что это за функциональные направления правотворческой деятельности, все ли они известны, всем ли из них дано свое объяснение и описание — вот лишь неполный перечень вопросительных суждений, которые приходят на ум при попытках выяснить, с чем связан в конечном итоге правотворческий эффект и почему часто мы видим неэффективность правотворческой работы. Может быть, именно потому, что не все ресурсы правотворческой системы оказываются задействованы, не все функции, заключенные в правотворческом механизме, становятся реализованными? Значит, в задачи юридической науки все еще входит понимание этих аспектов и поиск адекватного и полного ответа на данные вопросы.

В качестве одного из допустимых вариантов осуществления данного поиска и детализации функциональных направлений правотворческой деятельности позволим себе взять на вооружение один известный, но далеко не всегда активно применяемый правоведами научный метод контент-анализа правового документа (хотя это и несколько удивительно, имея в виду такой массив документов, который имеется в юридической сфере, по сути, и состоящей из одних документов), в нашем случае — правового документа типа регламента законодательного собрания. С помощью этой методики постараемся установить, какой деятельностный аспект заключен в данный регламентирующий правотворческую деятельность документ, в каких фиксируемых единицах это выражается.

Контент-анализ в качестве полноценной методики начал применяться с 30-х г. XX в. в США при проведении социологических и политических исследований (Г. Лассуэлл и др.) [5, с. 202]. Данный научный метод отличается тем, что дает возможность без прямого воздействия со стороны субъективных установок исследователя выявить при помощи подсчета повторяющихся компонентов текста установки, намерения, ценности, акценты внимания индивидов, социальных групп или иные интересующие

показатели и значения для последующей интерпретации в зависимости от поставленных исследовательских задач [6, с. 119—120].

В юридической науке значение этого метода также получило свою оценку. В частности, довольно детально на нем останавливается, анализируя методы конкретно-социологического анализа, В. В. Лапаева, вводя этот научный подход в число значимых для юридической науки методов социологии права. По ее мнению, особенность юридико-социологического подхода к анализу правовых документов заключается в том, что помимо традиционного логико-правового анализа юридических текстов исследователь может понять, какие социальные реалии стоят за формальной стороной дела, какие социальные правовые интересы и в какой форме они нашли свое выражение и признание (или непризнание) в соответствующих правотворческих и правоприменительных актах [7, с. 38; 8].

В настоящем исследовании предметом контент-анализа выступит Регламент Тамбовской областной Думы, утвержденный постановлением Тамбовской областной Думы от 28.02.2011 № 2088*, как довольно типичный и характерный в этой области документ, регламентирующий законотворческую деятельность. При этом сразу оговоримся, что предлагаемый анализ и общая аналитика результатов являются пока начальными, но тем не менее проведены довольно тщательно и всесторонне, что позволяет рассчитывать на известную объективность и относительную достоверность общих аналитических выводов.

Итак, для установления функциональных направлений деятельности Тамбовской областной Думы как регионального законодательного собрания естественным образом главной единицей контент-анализа Регламента Тамбовской областной Думы следует рассматривать глагол как часть речи, выражающую определенное действие. Глагол — это важнейшая часть речи в языке [9, с. 5]. Глагол выражает действие: таким является основное значение его во всех языках мира [10, с. 8].

В проведенном контент-анализе Регламента Тамбовской областной Думы (далее — Регламент) в качестве единиц анализа были выявлены и подсчитаны глаголы с учетом выбранных лексико-грамматических категорий: вид, возвратность, переходность. При этом учитывалось, что принадлежность глагола к той или иной категории имеет содержательный смысл и может объяснять, какое в конечном итоге действие по своей семантике этот глагол выражает.

В тексте Регламента, структура которого представлена 18 главами, последовательно выбирались глаголы, группировались по выбранным категориям, после чего производился подсчет.

Анализ показывает, что наиболее часто встречаются непереходные невозвратные глаголы несовершенного вида: «осуществлять», «иметь», «задавать», «высказывать», «избирать», «допускать», «рекомендовать», «ставить» (56 %) (табл. 1).

* Текст постановления официально опубликован не был.

С точки зрения лингвистики, содержательная сторона категорий переходности / непереходности — передача типа субъектно-предикатно-объектных отношений: переходность — направленность действия субъекта на объект, непереходность — замкнутость действия в сфере субъекта [11, с. 785]. В свою очередь, анализ семантики грамматических форм глаголов несовершенного вида показывает, что подобный тип глаголов обозначает единичное процессное действие, развертывающееся в направлении к результату, завершению, либо обозначает просто длежащее действие, способен давать представление о многократном воспроизведении действия либо только называть действие, не давая ему конкретной характеристики с точки зрения конкретности, краткости и целостности в зависимости от семантики глагола и, в первую очередь, конечно, от конкретной ситуации [12, с. 71].

Таблица 1

**Категории глагольных форм текста Регламента
Тамбовской областной Думы**

Позиция	Лексико-грамматическая категория глаголов	Показатели	
		в числах	в процентах
1.	Совершенный вид	182	19%
	Несовершенный вид	778	81%
2.	Возвратные	425	44%
	Невозвратные	535	56%
3.	Переходные	374	39%
	Непереходные	586	61%

На наш взгляд, это может говорить о том, что Регламент ориентирует законодателя на выполнение определенных длежащихся операций: а) характерных непосредственно для данного правотворческого субъекта (это подсказывает «непереходность» используемых глаголов), б) нацеленных на достижение определенных результатов (это подчеркивает «несовершенство» применяемых в тексте Регламента глаголов), которые «включаются» с наступлением установленных законодательством условий. И количество этих действий, выражающих то или иное функциональное направление правотворческой активности, фиксируемых Регламентом, довольно существенно.

При этом значительное распространение в тексте Регламента получили возвратные глаголы за счет своей многократной повторяемости: «принимается» (6,8 % от общего количества глаголов), «направляются» (5%), «проводится» (3,6 %), «рассматриваются» (3,2 %), «предоставляется» (2,4 %), «определяется» (2 %) (табл. 2). Это также непереходные глаголы, образованные от переходных посредством добавления возвратного постфикса -ся, которые утратили свое переходное ядро, исходную лексему. С точки зрения лингвистики, подобный тип глаголов обозначает направленность на субъекта действия [11, с. 785], в данном случае субъекта правотворческого действия, который должен действовать, чтобы творить право.

Выявляемые в тексте документа глаголы и выражают те основные действия — функции (функциональные направления), которые в рамках регионального правотворчества осуществляют законодательные органы власти. Например, возвратный глагол «рассматриваются» означает, на наш взгляд, не что иное, как реализацию познавательной функции, или, возможно, проверочной функции, верификационной функции и пр., поскольку любое познание начинается с «рассмотрения». Глагол «направляются» означает реализацию процедурно-процессуальных задач (функциональных операций) в рамках правотворчества, связанных с проведением юридической документации по разным уровням системы законотворчества.

Таблица 2

Десять наиболее часто встречающихся глаголов в тексте Регламента Тамбовской областной Думы

№/ п/п	Главы регламента	Глагол	Вид	Возвратность	Переходность	% к общему количеству глаголов
1.	2-9,11-13,15-18	Принимает,-ся	Н	В	Н	6,9
2.	2,4-9,11-13,15,17	Направляют,-ся	Н	В	Н	5,0
3.	2,4-8,15-16	Проводит,-ся	Н	В	Н	3,6
4.	4-5,7-12,16-17	Рассматривает,-ся	Н	В	Н	3,2
5.	2,4-9,15-17	Предоставляет,-ся	Н	В	Н	2,4
6.	1-2,4-7,11,15,17	Определяет,-ся	Н	В	Н	2,3
7.	1-6,8,12,15,17	Осуществлять	Н	Н	Н	2,3
8.	2,5,8-9	Ставит	Н	Н	Н	1,9
9.	1,4-8,10,17	Является	Н	В	Н	1,9
10.	1,3-8	Устанавливает,-ся	Н	В	Н	1,3

В числе используемых в Регламенте глаголов также практикуются глаголы переходного вида: «организует», «утверждают», «налагают», «подписывает», «обеспечивает», «содержит», «заполняют», «выполняют» (39 %) (см. табл. 1). С точки зрения лингвистики, подобный тип глаголов означает направленность действия субъекта на объект [11, с. 785]. Как правило, речь может идти о действиях с документами, которые выступают основным объектом правотворческой деятельности. В определенном смысле это уже большей частью действия технического (юридико-технического) характера, подчеркивающие, что для реализации основных функций необходимо решать вспомогательные задачи (функции оформления, визирования документов и пр.).

Проведенный научный анализ можно пока считать начальным, но вместе с тем его применение уже позволило создать некоторую общую картину

рассматриваемой проблемы функциональных направлений современного законодательства. Возможно, на этой основе получится дополнительно установить, какие из функций характерны для законотворческой системы, какие из сегментов современной системы законодательства с этой точки зрения нуждаются в дополнительном усилении, какие в совершенствовании, а какие необходимо создавать вновь для решения актуальных задач современного государственно-правового развития.

Пристатейный библиографический список

1. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М. : Прогресс, 1974.
2. Альбов А. П., Николукин С. В. Правотворчество : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. П. Альбова и С. В. Николукина. М. : Юрайт, 2019.
3. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Культура организации правотворческого процесса как предпосылка эффективности правотворческих результатов и упорядоченности правовой жизни общества // Правовая культура. 2019. № 1. С. 51—56; № 2. С. 47—58.
4. Реутов В. П. Функции и структура правотворчества (стратегический аспект) // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 622—630.
5. Методология и методы социологического исследования : учеб. пособие / В. Д. Байрамов, Е. М. Куликов, Е. О. Кубякин, Д. С. Райдугин ; под общ. ред. В. Д. Байрамова. М. : МГГЭУ, 2016.
6. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119—129.
7. Лапаева В. В. Социология права / под ред. В. С. Нерсесянца ; Ин-т государства и права РАН, Акад. правовой ун-т. М. : Норма, 2004.
8. Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве / ВНИИ сов. законодательства. М. : Юрид. лит., 1987.
9. Сердобольский А. И. О русском глаголе (приноровительно к иногородцам). Объяснение к Таблице образования глагольных форм и спряжения глаголов. Казань : Типография университета, 1876.
10. Некрасов Н. А. О значении форм русского глагола. СПб. : Типография и литография И. Паульсона и Ко, 1865.
11. Ааматов А. М., Онищенко А. В. Типологический аспект глагольной переходности // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3. С. 784—787.
12. Рычагова Л. В. Семантика грамматических форм совершенного и несовершенного вида русских глаголов // Международное образование и сотрудничество. М. : Московский автомобильно-дорожный гос. тех. университет (МАДИ), 2012. С. 70—75.

References

1. Nashic A. Pravotvorchestvo. Teorija i zakonodatel'naja tehnika. [Theory and legislative technique.] M. : Progress, 1974.
2. Al'bov A. P., Nikoljukin S. V. Pravotvorchestvo : ucheb. posobie dlja bakalavriata i magistratury / pod red. A. P. Al'bova i S. V. Nikoljukina.

[Lawmaking: textbook. manual for undergraduate and graduate programs / edited by A. P. Albov and S. V. Nikolyukin.] M.: Jurajt, 2019.

3. Trofimov V. V., Samorodov V. Ju. Kul'tura organizacii pravotvorcheskogo processa kak predposylka jeffektivnosti pravotvorcheskih rezul'tatov i uporjadochennosti pravovoj zhizni obshhestva // Pravovaja kul'tura. [Culture of the organization of the law-making process as a prerequisite for the effectiveness of law-making results and the orderliness of the legal life of society // The Legal culture.] 2019. № 1. P. 51—56; № 2. P. 47—58.

4. Reutov V. P. Funkcii i struktura pravotvorchestva (strategicheskij aspekt) // Juridicheskaja tehnika. [Functions and structure of lawmaking (strategic aspect) // Legal technology.] 2015. № 9. P. 622—630.

5. Metodologija i metody sociologicheskogo issledovanija: ucheb. posobie / V. D. Bajramov, E. M. Kulikov, E. O. Kubjakin, D. S. Rajdugin pod obshej red. V. D. Bajramova M. : MGGJeU, 2016. [Methodology and methods of sociological research: textbook. allowance / V. D. Bayramov, E. M. Kulikov, E. O. Kubyakin, D. S. Raidugin. under the general editorship of V. D. Bayramova M. : MGGEU, 2016.]

6. N'juman L. Neoprosnye metody issledovanija // Sociologicheskie issledovanija. [Non-questioning research methods // Sociological research.] 1998. № 6. P. 119—129.

7. Lapaeva V. V. Sociologija prava / pod red. V. S. Nersesjanca; In-t gosudarstva i prava RAN, Akad. pravovoj un-t. [Sociology of law / edited by V. S. Nersesyants; Institute of State and Law RAS, Acad. legal un-t.] M. : Norma, 2004.

8. Lapaeva V. V. Konkretno-sociologicheskie issledovanija v prave / VNII sov. zakonodatel'stva. [Specific sociological research in law / VNII Sov. legislation.] M. : Jurid. lit., 1987.

9. Serdobol'skij A. I. O russkom glagole (prinorovitel'no k inogorodcam). Ob#jasnenie k Tablice obrazovanija glagol'nyh form i sprjazhenija glagolov. [About the Russian verb (compulsively to people from other cities). Explanation to the Table of Formation of Verb Forms and Verb Conjugation.] Kazan' : Tipografija universiteta, 1876.

10. Nekrasov N. A. O znachenii form russkogo glagola. [On the meaning of the forms of the Russian verb.] SPb. : Tipografija i litografija I. Paul'sona i Ko, 1865.

11. Amatov A. M., Onishhenko A. V. Tipologicheskij aspekt glagol'noj perehodnosti // Vestnik Bashkirskogo universiteta. [Onishchenko AV Typological aspect of verbal transitivity // Herald of the Bashkir University.] 2009. T. 14, № 3. S. 784—787.

12. Rychagova L. V. Semantika grammaticeskikh form sovershennogo i nesovershennogo vida russkih glagolov // Mezhdunarodnoe obrazovanie i sotrudnichestvo. [Semantics of grammatical forms of the perfect and imperfect form of Russian verbs // International education and cooperation.] M. : Moskovskij avtomobil'no-dorozhnyj gos. teh. universitet (MADI), 2012. P. 70—75.